

Глава 30. Погружение в сон и пробуждение

В залах Национального музея хранится старинный, пожелтевший от времени свиток. На нём запечатлены двое: монах и молодой человек в мирском платье, ведущие беседу под сенью раскидистого дерева бодхи. Судя по очертаниям величественного храма на заднем плане и виднеющимся вдалеке пагодам, можно догадаться, что это знаменитый храм Кхалан времён династии Превосходящей Птицы. Однако о чём именно они говорят — остаётся загадкой.

Впрочем, если верить словам Цзян Жуцзина, то любые разговоры, в которых участвует Ли Ле, по определению не могут быть ни о чём хорошем.

Эти двое на свитке — не кто иные, как Ли Ле и Юболо.

События те разворачивались ещё до того, как они приступили к финальной стадии зачистки.

Под деревом бодхи монах неспешно перебирал чёрные чётки. В его взгляде, отражавшемся в глади чайного настоя, сквозило едва уловимое пренебрежение.

— Ты словно не здесь, — мягко заметил Юболо, сохраняя на лице вежливую улыбку.

— А с чего бы мне «быть здесь» рядом с тобой? — огрызнулся Ли Ле. Он постучал длинным указательным пальцем по главной бусине, даже не удосужившись поднять взгляд.

Юболо продолжал улыбаться, будто его ничуть не задевала грубость собеседника. Лишь пальцы, скрытые в широком рукаве, слегка дрогнули. Он пристально следил за малейшим изменением в выражении лица Ли Ле, не упуская ни единого движения, и вкрадчиво прощупывал почву:

— Твои очки растут поразительно быстро.

Ли Ле наконец соизволил поднять взгляд и смерил его коротким взором. Он фальшиво усмехнулся.

— Да, не жалуюсь.

Юболо пригубил чай, его улыбка казалась воплощением чистоты и безмятежности.

— Обычно на выполнение миссии уходит лет десять, а то и все сто. Некоторые тратят целые тысячелетия. Ты же закрыл такой контракт меньше чем за полгода. Не только обновил рекорд времени, но и заработал колоссальное количество очков... Поистине впечатляет.

В его голосе звучало искреннее восхищение, словно он и впрямь преклонялся перед талантом коллеги.

— Ха-ха, — Ли Ле хитро прищурился и многозначительно подмигнул. — Разве я не беру пример с тебя? Великий «первопроходец» Дуань Яжэнь... Я ведь с детства рос на легендах о тебе.

Юболо — а на самом деле Дуань Яжэнь — едва заметно помрачнел.

— Какой из меня «первопроходец»... — Поняв, что выведать секрет столь стремительного набора очков не удастся, он ловко перевёл тему: — Слышал, ты даже Цзян Чэна из мира Тяньюань сумел покорить.

Ли Ле какое-то время крутил в руках чётки, после чего неопределённо хмыкнул:

— Ну... допустим.

Дуань Яжэнь широко улыбнулся:

— Это же прорва очков...

— Ты сперва со своим объектом разберись, — бесцеремонно перебил его Ли Ле, махнув рукой.
— Там тоже очков не меньше отсыплют.

При этих словах Дуань Яжэнь вспомнил о десяти тысячах очков, которые этот волчонок Ли Ле выманил у него обманом. В душе он заскрежетал зубами, но внешне оставался невозмутим.

— Тут я полностью полагаюсь на тебя, — любезно ответил он. — Если бы ты не подготовил почву, я бы ни за что не нашёл объект прохождения такого высокого качества. А даже если бы и нашёл, без твоей помощи уровень его расположения не рос бы так стремительно. — Он неспешно наполнил чашу Ли Ле и свою собственную до самых краев. — Эту чашу я выпью в твою честь.

Ли Ле скользнул взглядом по чаю перед собой и пренебрежительно фыркнул:

— Налил до краев — гостю пора за порог. Я же говорил: воспитания тебе не хватает. К чему эти попытки изображать из себя благородного мужа?

Дуань Яжэнь остался неподвижен, он всё так же светился доброжелательностью, и лишь взгляд, впёртый в Ли Ле, стал тяжелее.

— Неужто брат Ли не желает разделить со мной трапезу?

Ли Ле усмехнулся. Он протянул руку, взял чашу, из которой едва не выплёскивалась жидкость, и плавно пронёс её под носом, вдыхая аромат. Сделав глоток, он поставил её обратно. За всё это время ни одна капля не упала на стол.

— Чай я выпил. А теперь — проваливай. И без нужды не ищи меня. Когда придёт срок, я дам знать.

Договорив, он закрыл глаза и, перебирая чётки, погрузился в чтение сутр.

Дуань Яжэнь на миг перестал улыбаться. «Этот мерзавец и впрямь такой, как о нём говорят, — подумал он. — Чуть что не по его — сразу рвёт связи, и плевать ему, в каком положении он оставляет собеседника». Тот сощурился, гадая, на какую мозоль он наступил. Неужели всё дело в той переполненной чаше?

Лишь когда шаги Дуань Яжэня стихли вдали, Ли Ле перестал читать. Он открыл глаза. Он был бесстрастен.

Но мгновение спустя его облик резко преобразился.

Он заговорил вкрадчиво и изящно, подражая собеседнику:

— «Слышал, ты даже Цзян Чэна из мира Тяньюань сумел покорить...»

Через пару секунд его вид стал ледяным и полным внутренних терзаний. Он нахмурился:

— «До меня дошли слухи, что ты... соблазнил того человека».

Затем он вдруг восторженно воскликнул, подпёр щёки ладонями и выдохнул:

— «О боже! Ли Ле, великий мастер, говорят, ты покорил самого Цзян Жуцзина из первой элиты! Это же невероятно!»

Следом он притворно изумился:

— «Неужели ты и впрямь укротил этого маленького тирана? Невероятно, просто невероятно! Братишка, ну ты даёшь!»

Он менял маски одну за другой, пока наконец не проявил подлинную ярость.

— «Слышал, слышал!» Да кто вообще сказал, что я его «покорил»?! — Он резко вскочил, тяжело дыша. Ему потребовалось немало времени, чтобы прийти в себя.

Он крепче сжал чёрные, холодные чётки и с горечью вздохнул:

— Почему Даоцзунь Жуцзин до сих пор не пришёл?

Солнце клонилось к закату. Он повесил чётки на ветвь дерева бодхи. Его силуэт казался бесконечно одиноким.

— Если он не придёт, как я скажу ему... что есть на свете монах, готовый ради него преступить любые обеты?..

Он коснулся чёток и покачал головой с грустной улыбкой:

— О чём я вообще говорю с деревом?..

Вздыхнув, он ушёл, унося с собой разочарование.

А оставленные чётки в кроваво-красных лучах закатного солнца вдруг тускло мерцали золотым светом.

Даоцзунь Жуцзин?

Ты произносил это имя слишком много раз...

***

— А-а-агрх!

Цзян Жуцзин резко пришёл в себя. Перед его глазами было искажённое болью, смертельно бледное лицо Чжаньдуоло. Неподалёку стояли Ачамоло и остальные. Книга сутр каким-то образом оказалась в руках Ань Тин; она быстро шептала заклинания, сложив пальцы в буддийскую мудру, и холодно взирала на царя Чжаньдуоло.

Видя страдания того, Цзян Жуцзин почувствовал укол гнева. Он крикнул Ачамоло:

— Прекрати!

Ачамоло опешил. Поколебавшись мгновение, он прервал ритуал.

Царь Чжаньдуоло бессильно рухнул на колени. Одновременно с этим барьер из плоти и крови, окутывавший птичью клетку, начал оседать, впитываясь в землю.

Цзян Жуцзин тут же присел рядом, коснувшись плеча Чжаньдуоло:

— Ты как?

Но не успел он договорить, как царь мощным ударом ладони отбросил его прочь. Жуцзин снова врезался в колонну. Воспользовавшись моментом, Чжаньдуоло начал превращаться в чёрную, зловонную жижу. Тьма поползла снизу вверх, пока он окончательно не обратился в лужу грязи и не утёк под землю, оставив после себя лишь взгляд, полный жгучей ненависти.

Жуцзин поднялся, он разрывался между сочувствием и глухим раздражением. Он резко взмахнул рукой.

Ань Тин и Дэн Цин подбежали к нему, наперебой спрашивая:

— Ты в порядке? Не ранен?

Цзян Жуцзин лишь качнул головой. Только сейчас он заметил, что клетка и бесчисленные солдаты исчезли. На их месте остались лишь тридцать шесть каменных столбов, покрытых резьбой с изображениями пыток. Вокруг стелился песок, а небо уже заметно посветлело.

Наступил рассвет. Жуткая, сюрреалистичная ночь, способная свести с ума любого смертного, наконец подошла к концу.

Но сердце Цзян Жуцзина никак не могло успокоиться.

В этом призрачном сне он провёл рядом с Чжаньдуоло целых двадцать лет. Он видел, как этот ребёнок — кожа да кости — превращался в полного сил и талантов юношу. Видел, как тот становился жестоким, кровожадным тираном. Он наблюдал, как Чжаньдуоло познаёт все горести мира и, подобно ему самому когда-то, падает в бездну, ослеплённый чужим обманом.

Что значит — сопереживание?

Потому-то он и рвался защитить маленького Чжаньдуоло, когда того избивали, желая раскидать обидчиков.

Потому он улыбался его успехам и крыл его последними словами за ошибки.

Потому его душила ярость, когда он видел предательство Юболо. Ему хотелось изрезать этого мерзавца на куски!

Это чувство сопричастности не отпустило его и после пробуждения. Видя боль Чжаньдуоло, он

по привычке встал на его сторону, обрушив гнев на Ачамоло.

Но сильнее всего его бредила память о том человеке.

Спустя шесть сотен лет он наконец снова увидел его.

Так много ненависти, отвращения и ярости...

И в то же время — такое странное, извращённое удовлетворение.

Его сердце словно пропустили через мясорубку тысячи раз, прежде чем он смог выдавить холодную улыбку.

Он шёл по Нити кармы... но почему Ли Ле оказался в династии Превосходящей Птицы, существовавшей тысячу лет назад?

Видно, так и не закрыл тот контракт. Провалился и застрял здесь на целое тысячелетие?

Не обращая внимания на недоуменные и тревожные взгляды товарищей, Цзян Жуцзин расхохотался — громко, испуганно, словно безумец.

<http://bllate.org/book/17530/1705365>